

Полная цена. Для городскихъ подписчиков: на 1 р. — 2 м. 1 р. 50 к., — 3 м. 1 р. — 4 м. 2 р. 50 к., — 5 м. 2 р. — 6 м. 4 р. — 7 м. 4 р. — 8 м. 5 р. — 9 м. 5 р. 50 к., — 10 м. 6 р. — 11 м. 6 р. 50 к., — 12 м. 7 р. 50 к.

Для городскихъ подписчиков: на 1 р. 25 к., — 2 м. 1 р. 75 к., — 3 м. 2 р. 50 к., — 4 м. 3 р. — 5 м. 3 р. 50 к., — 6 м. 4 р. 50 к., — 7 м. 5 р. — 8 м. 5 р. 50 к., — 9 м. 6 р. 50 к., — 10 м. 7 р. — 11 м. 7 р. 50 к., — 12 м. 8 р. 50 к.

В доставку „Нижнегородскій Листокъ“ платно увеличивается сверхъ стоимости газеты по Нижегороду и еще по 60 коп. въ мѣсяцъ. Доставка принимается съ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца. Иногородные за каждую переѣзку платятъ.

НИЖНЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА

Редакція и контора: Большая Покровка, домъ Пристипинакова. Телефонъ № 272.

Цена номера въ роз. прод. 5 к.

Плата за объявленіе: первая строчка 20 к. за строку, вторая 10 к. за строку, третья 5 к. за строку. Объявленія мѣсячныя, ежемѣсячныя и годовыя по особому соглашенію.

Рукописи подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и измѣненію. Статьи, приложенныя безъ означеннаго условія гонимости, прилагательныя безъ подписи. Подписаніе рукописей для редакціи не обязательны, читателямъ рукописей не возвращается.

Рукописи, приложенныя къ газетѣ, должны быть означены именемъ, фамиліей и адресомъ.

Контора редакціи открыта для приема подписки и объявленій ежедневно съ 10 ч. утра до 8 ч. веч. Редакція для личнаго объясненія открыта отъ 1 ч. до 5 ч. дня.

Студентъ Петя въ „Вишне- вомъ садѣ“.

Помните-ли вы, читатель, студента Петю въ „Вишневомъ садѣ“ Чехова?

Конечно, помните. Но нравится-ли онъ вамъ?
— А почему нѣтъ?—отвѣтитъ, вѣроятно, большинство читателей.—Это хорошій молодой человекъ, исполненный самыхъ благородныхъ стремленій.

Понравился онъ всѣмъ потому, что настроеніе у него хорошее, напоминающее настроеніе Гриши въ Некрасовской поэмѣ: „Кому на Руси жить хорошо“, который пѣлъ „воплощеніе счастья народнаго“.

Тогда была мода, главнымъ образомъ, гово-

вить о народѣ, теперь говорить о счастьи всѣхъ, какъ говорить студентъ Петя въ „Вишневомъ садѣ“, но сущность, настроеніе осталось одно и то же.

И студентъ Петя, пожалуй, также счастливъ, какъ семинаристъ Гриша. Оба съ презрѣніемъ смотрятъ на матеріальныя блага, на богатство, даже на личное счастье („мы выше любви“, говоритъ студентъ Петя),—лишь были бы кое-какія старыя калоши, о которыхъ безпокоится Петя въ „Вишневомъ садѣ“.

Вотъ эти-то „старыя калоши“ и послужили оружіемъ противъ бѣднаго Пети въ *Нов. Пути*. Сотрудникъ этого журнала г. Антонъ Крайній пишетъ:

„Я не думаю, чтобы кто-либо былъ искренно увлеченъ тѣмъ перепрѣлымъ элементомъ „идеи“, который даетъ намъ Чеховъ въ „Вишневомъ саду“. „Высокія слова“ прошлаго столѣтія, конечно, могутъ еще дѣйствовать въ нашей доброй старой матушкѣ Россіи; не мало юныхъ сердецъ бьется совершенно такъ же, какъ сердца дѣдовъ. Но... „талантъ“ Чехова не позволилъ ему сдѣлать непозволительное, студентъ Петя у него—комическое лицо: не даромъ онъ въ послѣднемъ дѣйствіи такъ занятъ своими старыми калошами, о нихъ только и заботится: и не даромъ онъ у него дѣйствительно такія старыя, рваныя. Знаетъ ли Чеховъ, что и всѣ слова студента Пети не высокія слова, а только старыя калоши?“

А такъ какъ въ студентѣ Пети изображено лишь настроеніе, увлеченіе мечтой о счастьи всѣхъ, то выходитъ, что такія мечты и есть „старыя калоши“...

Но что же есть или можетъ быть болѣе новаго?

Кажется, ничего, хотя эти мечты и стары. О нихъ можно сказать, какъ говорить у Чехова одинъ персонажъ въ „Ивановѣ“ о соленыхъ огурцахъ, какъ закускѣ, что философы сотни лѣтъ думали и ничего лучшаго придумать не могли.

И желая болѣе яркимъ, болѣе безспорнымъ сдѣлать настроеніе своего Пети, Чеховъ не выразилъ въ немъ никакой опредѣленной идеи, а только настроеніе.

Вѣдь онъ можетъ быть даже и искателемъ „таинственнаго Логоса“, который отыскиваютъ сотрудники *Нов. Пути*,—тоже, вѣроятно, для счастья человѣчества, а не для вреда.

И комическое ли лицо Петя?

Этого нельзя сказать, по крайней мѣрѣ авторъ нисколько не желалъ сдѣлать комическимъ его настроеніе. Только легкая ироническая улыбка неисправимаго скептика скользила на губахъ автора, когда онъ писалъ эту фигуру.

Настроеніе Пети благородно, но онъ, какъ человѣкъ молодой, немножко наивенъ, немножко зеленъ, и когда мы смотримъ на него, то невольно думаемъ:

— Теперь ему все ни почемъ, но пронесетъ-ли онъ свой пылъ черезъ долгіе годы жизни, не побѣдитъ ли проза ту поэзію, которой переполнена душа его?

И невольно улыбаемся, когда Петя говоритъ Лопахину, что онъ вахочится въ первыхъ рядахъ тѣхъ, которые идутъ къ достиженію счастья человѣчества, и на вопросъ Лопахина: „дойдешь“?—, отвѣчаетъ:

— Дойду.

Но затѣмъ, помолчавъ, подумавъ, прибавляетъ:

— Или укажу путь другимъ.

Можно улыбнуться и въ то время, когда Аня своей матери, въ минуту утраты вишневаго сада, говоритъ о работѣ для счастья человѣчества. Той матери, которая только и думаетъ о томъ, какъ бы уѣхать къ своему негодному любовнику въ Парижъ.

По этому поводу *Новый Путь* говоритъ, что авторъ только „полузнаетъ“, что идеи его Пети „старыя калоши“.

Если-бъ не зналъ вовсе, талантомъ не зналъ, то и сатиры тутъ не было бы никакой, а если бы вполнѣ зналъ,—то не допустилъ бы Аню преподнести матери эти калоши въ серьезную, трогательную минуту, какъ послѣднее утѣшеніе.

Нѣтъ, тутъ сатиры нѣтъ, есть только улыбка. Сцена эта говоритъ о молодости Ани и о томъ, что для нея прошлое, старый вишневый садъ утратилъ всякое значеніе. И, какъ извѣстно, она даже съ радостью покидаетъ его.

— Прощай, домъ! Прощай, старая жизнь!—говоритъ Аня.

— Здравствуй, будущая жизнь!—прибавляетъ Петя.

И вѣдь даже нельзя сказать, чтобы и мать ея особенно была привязана къ вишневому саду, чтобы дочь изъ деликатности къ ея горю должна была таить свои чувства и выражать притворно сожалѣніе о вишневомъ садѣ.

О, нѣтъ, и для Роневской важнѣе любовникъ въ Парижѣ, пятнадцать тысячъ, которыя у нея въ рукахъ, а вовсе не вишневый садъ. Иначе бы она, пожалуй, и не потеряла его.

И когда г. Антонъ Крайній такъ строго изобличаетъ Аню, припоминается:

„И про Москву такъ грозно!“

Но что же даетъ самъ *Новый Путь* вмѣсто тѣхъ „старыхъ калошъ“, за которыя онъ судилъ Чехова?

Увы, ничего, кромѣ поисковъ какого-то таинственнаго „Логоса“, который долженъ связать прошедшее и будущее и дать намъ настоящее.

Что-жъ, дѣло хорошее, если бы поиски удались. Но пока этого еще нѣтъ, Логосъ не найденъ, а между тѣмъ *Нов. Путь* старается судить обо всемъ только съ точки зрѣнія этого не найденнаго Логоса, того, чего нѣтъ.

Не мудрено, что вмѣсто мысли обыкновенно получаютъ только красивыя слова:

„Зажигайте факелы! Побольше факеловъ! И съ ними пойдемъ въ самыя черныя нѣдра жизни, и тамъ, не страшась опасности, освѣтимъ и освятимъ сердца. И пусть будетъ радостное волненіе или, быть можетъ, смятеніе. Пусть будетъ“.

Читая это, невольно хочется повторить слова дядюшки Адуева въ романѣ Гончарова къ племяннику:

— Ради Бога, не говори красивыхъ словъ! Потому что, если съ запасомъ неясной мысли и красивыхъ словъ, прикрывающихъ эту неясность, судить о художественныхъ произведеніяхъ, то только и получается Хемницеровское:

„Веревка вервѣе простое“.

Читатель.